

Е.В. Рахилина

Мне не пришлось учиться у Юрия Дерениковича или быть его сотрудником. Но мы часто по разным поводам оказывались рядом – и я всегда ощущала теплое к себе отношение со стороны Ю.Д. и его поддержку в разных обстоятельствах. За это – ему моя большая благодарность, и вот эти короткие заметки.

Первый раз я увидела Юрия Дерениковича в конце семидесятых – как лектора, в МГУ в поточной аудитории. Звучит это на первый взгляд странно: преподавать ведь ему не разрешали, тем более в МГУ. А дело в том, что это были не обычные, а вечерние лекции, причем для повышения квалификации учителей. Не помню, как мы об этом узнали – но мы были студентами отделения теоретической и прикладной лингвистики и благодаря нашим учителям, и прежде всего, Анне Константиновне Поливановой, мы «проходили» книги Ю.Д. Самой интересной, конечно, была только что вышедшая в красивом зеленом переплете «Лексическая семантика» (мой сокурсник Сережа Крылов всегда носил ее с собой – и знал досконально, так что потом составил подробнейший и очень полезный к ней указатель). Поэтому как автора его мы знали – так же как и Мельчука, Падучеву, Холодовича, Храковского... Так что учили нас хорошо, и когда стало известно, что Апресян сам читает лекции, мы сразу пришли. Аудитория, надо сказать, была полной, слушали внимательно, а по существу это были лекции по новой, еще не вышедшей тогда книге о поверхностно-семантических свойствах лексем и конструкций (позже она была опубликована Тильманом Райтером в Вене, а потом вошла во второй том двухтомника избранных работ 1995 г.). Тогда дело кончилось быстро: после нескольких лекций поступил донос, и вечерний курс прекратился. Говорят, много позже, уже в 1990-е годы, Ю.Д. все-таки недолго читал какие-то курсы на русском отделении. Однако запрет на преподавание человеку в расцвете сил, энергии и полному желанию передать свой опыт работы младшим, так сказать, непосредственно из рук в руки, был запретом на его несостоявшуюся профессию, и это действительно потеря для многих поколений лингвистов. Да и для самого Ю.Д. это тоже была потеря – и он ее прекрасно осознавал. Те лекции оставили в памяти очень яркое впечатление. Материал был новым и захватывающим, и читал Ю.Д. живо – а ведь мы были очень взыскательными слушателями: авторитет как таковой пиетета у нас не вызывал.

Вторая моя встреча с Ю.Д. тоже была в некотором смысле дистанционной. Дело в том, что оппонентом моей дипломной работы А. К. Поливанова, которая мной руководила, назначила Игоря Богуславского, и он накануне защиты позвал меня для обсуждения текста в свое присутственное время в Информэлектро. Диплом был про русский дательный на фоне других сирконстантных конструкций. Корпусов в то время не было, и нужные примеры авторы обычно, если не находили в литературе, сочиняли сами, часто попутно выдумывая себе что-нибудь для развлечения. И вот мы сидим с Игорем в комнате за столом, я поворачиваюсь – и догадываюсь, что за соседним столом сидит Ю.Д.: я же его уже видела на лекции. А пример, который Игорь со мной внимательно разбирает, потому что именно он вызывает у него особенные вопросы и недоумения, – это *читал книгу в кабинете у Апресяна*: можно ли сказать *в кабинете Апресяна*, а может быть только *у Апресяна*, и так далее, и так далее, довольно подробно и – громко. А я, наверное, плохо ему отвечаю, потому что всё время думаю – что же подумает сам Апресян? Наверное, решит, что у меня весь диплом таких примеров...

Но – ничего не случилось. Несмотря на свою внешнюю строгость, Юрий Дереникович в моей памяти со мной всегда был очень деликатным, тактичным и добрым. Через год по предложению Ю.Д. я делала доклад в Информэлектро по своей первой статье. (Правда, по сравнению с дипломом она претерпела существенные композиционные изменения, так что пресловутый пример исчез сам собой.) Но я навсегда запомнила, как он объявил мою тему, про дательный посессивный. Он сказал: тема интересная, об этом писала Аня Вежбицкая и вот – Катя Рахилина. Как бы ввел в круг. Не так давно я напостила эту историю Ю.Д., а несколько лет назад рассказала ее Анне Вежбицкой, которая с большой любовью говорила о нем и о всей его семье. В те давние дни она для всех была недостижимой Анной – автором недостижимых идей. А для него, конечно, просто Аней, и ему было совсем легко складывать Катю с Аней, конечно, чтобы ее чуть-чуть похвалить, как хвалят своих детей и учеников.

Потом я выросла – и моим портм приписки надолго стала маленькая группа логического анализа языка (ненадолго переросшая в Отдел лингвистических исследований). В определенном смысле она была родственна отделу Ю.Д. Мы тоже жили в «непрофильном» для лингвистики институте – ВИНТИ, как тогда группа Ю.Д., и тоже занимались семантикой. Правда, Елена Викторовна всегда настаивала, что мы не вполне Московская семантическая школа. Мы, говорила она, такая подмосковная. Но конечно, мы были завсегдаками апресняновских семинаров, вместе с ним делали знаменитые грузинские школы с завораживающим названием «Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности», а однажды, когда нашу группу в очередной раз сокращали, всерьез обсуждали с Ю.Д. возможность перехода в ИППИ. Тяжело было, и Ю.Д. очень нас поддерживал и готов был идти к Осипову. Но как-то тогда разогнать нас не получилось – получилось позже, а Осипова уже не было. А дальше Ю.Д. много лет был со мной рядом в другой своей ипостаси – в виде Люши. Люша так на него похожа – и внешне, и характером, что я все эти годы чувствовала его легкое незримое присутствие у нас в Школе лингвистики – и тут мы с реальным Ю.Д. совсем подружились: Люшу он необычайно любил и ему нравилось разговаривать про нее, ее заботы и успехи. Ю.Д. и сам к нам несколько раз приходил, хотя ему было трудновато в большой аудитории. Последний раз я хорошо помню: он рассказывал студентам свою жизнь. Такая была удивительная лекция.

Екатерина Владимировна Рахилина — российский лингвист, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ, член Европейской академии.